

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: об энергетической оптимальности чат-дискурса

Изучение языка как инструмента познания мира, как универсального средства аккумуляции и обмена информацией между людьми, объединенными в социум, не прекращается со времен древности и до наших дней. Лингвистов манят как основополагающие тайны праязыка, так и наисовременнейшие «кульбиты» сегодняшних речевых манифестаций, к примеру, раскованная, эмоционально накаленная, неуправляемая стихия чат-коммуникации. Анализируя эту последнюю, еще раз убеждаемся в том, что описание какого бы то ни было языкового материала может представлять определенную научную ценность при условии, что оно базируется на серьезных теоретических предпосылках. Берем на себя смелость назвать в качестве теоретического импульса, подтолкнувшего к нижепредставленным рассуждениям, фундаментальное исследование профессора В. Г. Таранца, посвященное энергетической теории речи.

Наиболее плодотворным в интересующем нас аспекте оказались следующие постулаты данной теории. Во-первых, это рассуждения о нейрофизиологической структуре речевой единицы на уровне мозга, о программе двигательных навыков, реализующихся в процессе речеобразования. Во-вторых, это размышления о принципе экономии как одном из свойств деятельности мозга. В частности, В. Г. Таранец утверждает, что «экономия мышечных усилий человека при произнесении тех или иных слов или фраз всегда присутствует в языке: реализация фраз, слов и т. д. представляет с точки зрения затраты энергии оптимальные варианты» [8, 8]. В связи с этим «функционалирование языка еще на начальном этапе его зарождения характеризуется 'экономным' использованием энергетических ресурсов человека» [там же, 50]. На основании подобных наблюдений В. Г. Таранец делает категорический вывод: «глубоко ошибочным в лингвистике является тот взгляд, согласно которому язык приближается к своим экономным формам выражения лишь в процессе исторического развития» [там же].

Не вступая в полемику относительно диахронической релевантности или нерелевантности принципа экономии, как движущей силы языковых

трансформаций, приведем собственные наблюдения над действием данного универсального закона речепорождения в современных условиях речевой коммуникации, отмечая попутно, что проблема экономии в языке имеет давнюю историю изучения. Она освещалась в трудах В. Г. Адмони, Б. А. Богородицкого, Р. А. Будагова, А. М. Пешковского и др. [1, 58; 2, 217-218; 3, 5, 159; 7]. Об экономии писали Ch. Einstein, H. Frei, O. Jespersen, H. Sweet, W. Whitney, G. Zipf [4, 361; 12, 232; 10, 7; 11, 108; 13, 114; 14, 50; 15, 77; 85, 111]. А. И. Чердниченко упоминает современную эргономическую теорию коммуникации, которая «базируется на <...> ясности подачи информации и экономии ментально-артикуляционных усилий» [9, 114]. Обратим внимание на то, что А. И. Чердниченко говорит об артикуляционных усилиях. Об этом же упоминает В. Г. Таранец: «относительно равномерная сменяемость рабочей фазы и фазы покоя приводят практически к утомляемости мышечного аппарата в процессе речевой деятельности» [8, 50]. Как видим, речь идет об энергетической оптимальности устной коммуникации. Мы предлагаем рассмотреть этот феномен в письменной компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК).

В чате (как разновидности КОК) общение происходит в режиме реального времени между собеседниками, которые не видят и не слышат друг друга, но обмениваются письменными репликами. Каждая реплика набирается на клавиатуре и отправляется адресантом в эфир, после чего одновременно появляется на мониторах всех пользователей, которые в данный момент подключены к соответствующему сервису интернета. Каждая следующая реплика присоединяется к текстовому массиву из предыдущих реплик, сдвигая его снизу вверх на пространстве монитора. При этом верхняя реплика исчезает за верхней кромкой текстового окна. Таким образом текстовый массив чата безостановочно «ползет» по экрану монитора, его репликовый состав изменчив и недолговечен. Контент-анализ чат-дискурса свидетельствует о фатической мотивированности этого вида коммуникации. Само название *чат* (от англ. *chat* - болтовня, разговор о том, о сем) точно отображает характер дискурсивной деятельности его участников. Люди входят в чат ради общения как такового, для того, чтобы в дружелюбной атмосфере поболтать на тривиальные темы, выплеснуть свои эмоции и почувствовать эмоциональный контакт с собеседниками.

Неформальный регистр и высокий темп общения в чате провоцируют специфическую манеру коммуникативного поведения чатлан

(т. е. участников чата), которая состоит в том, что коммуниканты стремятся достичь взаимопонимания в кратчайший срок и с наименьшими затратами. Учитывая то обстоятельство, что адресант кодирует сообщение, набирая его на клавиатуре, минимизация времени и энергоемкости кодирования сводится к уменьшению количества касаний клавиатуры. В результате может уменьшиться количество графем (буквенных и пунктуационных) на текстовом пространстве, заглавные буквы могут заменяться строчными, т. к. для заглавной буквы нужно нажать 2 клавиши, вместо 1, достаточной для появления строчной буквы. Подобная общая тенденция коммуникативного поведения в чате приводит к целому ряду языковых особенностей текстового продукта. Сюда относятся многочисленные варианты компрессии речевой цепи, а именно усечения (синкопы, апокопы, аферезисы), аббревиации, опущения пунктуационных знаков, функциональная переориентация графем.

Компрессия, или укорочение речевой цепи происходит за счет использования меньшего, нежели предписано общезыковой нормой, количества знаков. Например, в таком виде компрессии, как «консонантные скелеты», речевая цепь содержит не полносоставный набор буквенных графем, оформляющих то или иное слово, но только его согласные буквы: *cht* = *ch[a]t*, *fr* = *f[o]r*, *grt* = *gr[ea]t*. Иногда сокращается даже буквенный состав согласных, так, двухбуквенное сочетание *ks* на омофонной основе замещается одной буквой *x* [*ks*]: *thnx* = *th[a]n[ks]*. Образованию консонантных скелетов подвержены преимущественно односложные слова. Случаи таких сокращений в двусложных словах единичны: например: *ppl* = *p[eo]pl[e]*. При этом отметим, что консонантный скелет - это не просто «слово минус все гласные буквы», иногда вместе с гласными исчезают и некоторые согласные: например, *msg* - *m[es]s[a]g[e]* (утрачены 3 гласные и одна согласная); *prt* = *pr[iva]t[e]* (утрачены 3 гласные и одна согласная). Остается некий смыслово достаточный орфографический скелет слова, позволяющий адресату адекватно декодировать сообщение адресанта.

Усечение слов, в частности консонантные скелеты, демонстрируют доминирование графической формы сообщения над фонетической. Под этим понимаем следующее. Восприятие вербального сообщения в чат-коммуникации активизирует в памяти реципиента две матрицы: орфографическую и фонетическую форму слова, словосочетания, фразы. При нормативном правописании обе эти матрицы функционируют одновременно и равноправно. В консонантных скелетах этот баланс нарушается и мы наблюдаем активизацию в первую очередь орфографической

матрицы. Делаем такое заключение, опираясь на следующие аргументы. Слово *talk* [to: k] в консонантном скелете сохраняет неизменяемую согласную *l* — *ilk*; слово *yours* [jo: z] сохраняет неизменяемую *r* - *urs* вероятно потому, что *-r* служит формантом притяжательного местоимения 2 лица и дифференцирует личное местоимение *you* [ju:] от притяжательного *your* [jo:]. Слово **black** усекается до цепочки согласных *blck*, в которой финальный диграф *ck* сохраняется и не усекается до одной согласной *k* поскольку помогает опознать *blck* как *black* и не спутать его, к примеру, со словами *bloke* или *bleak*, которые гипотетически могут усекаются до *blk*. Усеченное слово *hrs*, в котором из трех согласных две - неизменяемые *h* и *r* *hours* [aʊoz], апеллирует исключительно к орфографической матрице в памяти реципиента. Попутно укажем, что в большинстве случаев в усеченных вариантах сохраняются те буквы, которые манифестируют грамматические форманты сокращенных слов, поскольку их опущение может затруднить коммуникацию. Например, в *urs* таким формантом выступает *-s*, указатель абсолютной формы притяжательного местоимения *yours*, отличающий его от атрибутивной формы *your*. Формант множественного числа имени существительного *-s* практически всегда сохраняется в усеченном варианте слова.

Наблюдения над консонантными скелетами слов в чат-дискурсе еще раз возвращают нас к упоминавшейся выше публикации В. Г. Таранца «Энергетическая теория речи», в которой он, в частности, пишет: «С первоначальным состоянием голосового аппарата человека согласуется 'ларингальная' теория реконструкции звукового строя древнейшей эпохи. Согласно этой теории в индоевропейском языке существовало несколько особых фонем, 'ларингалов', которые имели различные тональные призвуки. Считается, что различительную функцию выполнял в слоге согласный элемент, а тональный призвук его только сопровождал» [8, 25]. Как видим, «различительная функция согласных» по-прежнему актуальна, хотя и реализуется в абсолютно иных коммуникативных условиях. В процессе компрессирования речевого сигнала чат- адресант бессознательно сортирует формальные компоненты высказывания по степени их функциональной нагруженности, актуализируя в первую очередь те графемы, без которых сообщение утрачивает смысл для адресата. Как показывает наш материал исследования, гласные и согласные буквенные графемы при подобной сортировке демонстрируют неодинаковую информативную ценность. В целях экономии места, времени и мышечных усилий чат-коммуникант чаще жертвует гласными буквенными графемами, нежели согласными.

Стремясь к энергетической оптимальности процесса кодирования, адресант избегает тех усилий, которые в данной ситуации являются коммуникативно избыточными, хотя и нормативно предписываемыми. Наглядным примером служит опущение пунктуационных знаков.

Объясняя исчезновение нормативно предписанных знаков препинания, следует напомнить о хронотопных особенностях чат-общения. Дефицит времени и нестабильность текстового продукта (чередa реплик постоянно движется по текстовому пространству, исчезая за верхней кромкой) заставляют чатланина, который хочет сделать коммуникативный ход, как можно оперативнее реализовать свою интенцию, т. е. побыстрее набрать текст реплики на клавиатуре и «вытолкнуть» ее в текстовое пространство.

Это действие подчиняется требованию минимальной коммуникативной достаточности. Иными словами, реплика должна быть понятна собеседнику, но она отнюдь не должна быть полноформлена и тем более отшлифована. Основная масса текстового продукта чат-общения складывается из реплик, в которых пунктуационные знаки оказываются за чертой коммуникативной достаточности и поэтому остаются невостребованными.

Закон экономии речевых усилий, к примеру, очень часто приводит к пренебрежению пунктуационным выделением обращения: нормативные в этой позиции запятые опускаются как избыточные. Их отсутствие не препятствует пониманию соответствующего высказывания. В то же время, если говорящий обращается к нескольким собеседникам, то отделение одного имени от другого обеспечивается запятыми, т. к. в этом случае запятые коммуникативно необходимы.

Стремление к минимальной коммуникативной достаточности часто приводит адресанта к отказу от знаковой маркировки синтаксических границ высказывания. Как известно, в письменной речи начальная граница традиционно маркируется заглавной буквой, а финальная - точкой (многоточием), вопросительным или восклицательным знаком. Однако чат-собеседники легко отказываются от маркеров начала и/или конца высказывания.

Особенность текстового продукта в чат-дискурсе такова, что он состоит из последовательности реплик чатлан и ремарок о входе в чат и выходе из чата очередного участника. Архитектонически эта последовательность организована в абзацно парцеллированный текстовый массив. Каждый коммуникативный ход оформлен как отдельный абзац. В результате каждая реплика чатланина (чаще всего это одно, иногда два выска-

звания) слева ограничена (и тем самым маркирована) интродуктивной ремаркой (указанием псевдонима адресанта), а справа совпадает с финальной границей абзаца, которая всегда графически маркирована незаполненным пространством оставшейся части строки (от последней графемы вплоть до правого поля). Благодаря этому каждая реплика зрительно воспринимается как отдельная текстовая сущность, ее начальная и финальная границы четко и недвусмысленно определяются адресатом.

В результате границы высказывания, совпадающие с границами реплики, могут обходиться без традиционного шрифтового и пунктуационного маркирования, т. к. эта функция уже выполняется другими средствами. На сегодняшний день можно говорить о почти полном исчезновении из чат-дискурсного узуса двух маркеров внешних границ высказывания: заглавной буквы и точки. Формируется новая норма, в которой значительно ослаблена (вплоть до полного исчезновения) такая функция, как делимитация границ высказывания. Однако это не единственная функция, которую выполняют точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знак. Эти т. н. «отделяющие» знаки препинания» согласно дефиниции, «служат для разграничения независимых предложений, а также для указания на тип предложения по цели высказывания, на эмоциональный характер предложения, на перерыв речи» [17, 81-82]. Е. А. Селиванова, характеризуя различные подходы к пунктуационным правилам, выделяет среди прочих синтаксический и прагматический подходы. В первом случае речь идет о разделении речи на предложения, во втором - об обозначении интенционной направленности высказываний, о том, что пунктуационные знаки облегчают читателю понимание сообщения, усиливают эффективность коммуникации [6,510-511]. В чат-дискурсе на фоне значительного ослабления делимитирующей функции знаков препинания столь же значительно возрастает их прагматическая функция, что однако сопровождается существенным расшатыванием пунктуационной нормы письменной речи.

Маркировка коммуникативного типа предложения (точка - декларатив, знак вопроса - квестив, восклицательный знак - экспрессив) осуществляется согласно неким более или менее устоявшимся нормативам, как количественным, так и функциональным. Так, например, по традиции функционально достаточным является одинарное использование каждого из этих знаков. Однако в чат-коммуникации действует как тенденция к нулевому варианту (знак препинания опускается), так и тенденция к мультиплицированному варианту (знак препинания удваивается, утраивается и т. д., вплоть до 45-кратного употребления в одной позиции).

Нулевой вариант наблюдаем при маркировании декларативного предложения. Также имеет место нулевой вариант пунктуационной маркировки квеситива. В подобных репликах коммуникативный статус предложений (общий, специальный, разделительный вопрос) манифестируется исключительно морфолого-синтаксическими и лексическими средствами, а именно: грамматической инверсией, соответствующий трансформацией глагольного сказуемого, использованием вопросительных местоимений. При этом вопросительный знак в конце предложения отсутствует.

Нулевая пунктуационная маркировка в разных типах предложений - явление неодинаковой частотности. В декларативах оно преобладает, в квеситивах сосуществует с традиционным способом маркировки. Экспрессивы вообще трудно поддаются подобному изучению, т. к. нулевой вариант можно с уверенностью зафиксировать только при наличии нормативно обязательного оппозитивного варианта. Восклицательный знак редко может считаться обязательным пунктуационным маркером. Наличие междометия, эмфатический синтаксис могут служить основанием для предположительного отнесения пунктуационно немаркированной реплики к экспрессивам.

Опущение знаков препинания в чат-дискурсе компенсируется иными языковыми единицами и графическими сигналами. В результате стремление адресанта к энергетической оптимальности речепроизводства удовлетворено: речевая цепь компрессирована, количество касаний клавиатуры уменьшено, время кодирования сокращено.

Корреляция между энергетической оптимальностью речепорождения и компрессией речевого сигнала достаточно очевидна и легко предсказуема. Однако наше внимание привлекла также и значительно менее очевидная корреляция между стремлением чатлан к оптимизации своих энергетических затрат, с одной стороны, и, с другой стороны, желанием выплеснуть в коммуникативное пространство обуревающие их эмоции, в частности за счет мультипликации (т. е. сверхнормативного использования) графем, в том числе пунктуационных знаков.

Так, например, чатланка делится своей радостью с собеседниками по поводу предстоящего свидания и посылает в эфир реплику-восклицание *ya!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!* Двухбуквенное междометие *ya* сопровождается 28 восклицательными знаками. Энергозатраты на подобный выплеск эмоции в сущности не очень велики — 3 касания клавиатуры, последнее касание несколько более длительное. В чат-дискурсе эмоция может выражаться даже вне словесного оформления, исключительно с помощью

пунктуационных знаков. Например, встречаются две чатлан-ки и радостно обмениваются приветственными репликами, состоящими исключительно из обращения (ника) и очень длинной цепочки восклицательных знаков:

***brunette has joined # naughtychat

<Strawbs> brunette!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

<brunette> Strawbs!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Нажав клавишу! после имени адресата один раз, адресант задерживает ее некоторое время и, не тратя энергию на речемыслительную деятельность (вербализации нет), выражает небывалую радость по поводу состоявшейся встречи. В ответ приходит такая же экзальтированная реплика, в которой эмоция также представлена в чистом, неословленном виде. Затраты мышечной энергии в обеих репликах минимальны - 1 нажатие клавиши, длительность этого движения в первой реплике соответствует 19 сверхнормативным восклицательным знакам, во второй реплике - 47. В подобных высказываниях (весьма типичных для чат-общения) степень экспрессии и степень энергозатрат коммуниканта несоизмеримы между собой.

Использование избыточных с точки зрения нормы вопросительных знаков сопровождается обязательным расширением его функционального потенциала. Нормативное, т. е. одноразовое употребление знака?, во-первых, маркирует конец высказывания и, во-вторых, манифестирует его иллокутивный статус квеситива. Все сверхнормативные употребления вопросительного знака выполняют иную функцию - экспрессивную, а кроме того контактоустанавливающую, призывную.

[smilauk entered the room]

smilauk: ne uk gals in here ?

(=are there) any UK girls in here?)

Через некоторое время smilauk снова «выкрикивает» свой призыв, уточняя на этот раз, какого рода контакт он ищет. Не получив ответа, он уходит из чата.

smilauk ne girls wanna play dirty!!!!!!!!????????????????????????????

(= are there any girls who want to play dirty?!)

[smilauk left room]

Запредельно избыточное использование? и! создает особый графический рисунок, который резко выделяет соответствующие реплики из общего текстового массива. Совершенно очевидно, что завершая свои вопросы цепочками из более чем трех десятков вопросительных знаков и 7 восклицательных знаков, чатланин пытается привлечь к себе внимание, немедленно установить контакт с собеседницами по чату. В этом случае

мультипликация графем оказывается тесно связанной с их функциональной переориентацией.

Нормативно употребленные? и! в этом контексте (т. е. первые в цепочке повторенных графем) выполняют свои традиционные функции делимитации конца высказывания и маркировки квеситива и экспрессива. Все остальные пунктуационные графемы, используемые сверхнормативно, выполняют иные функции: контактоустанавливающую и апеллятивную. См. дефиниции, приводимые О. С. Ахмановой: «контактоустанавливающая (социативная) функция языка - употребление речи для установления контакта со слушателем (собеседником)»; «апеллятивная» (призыв) - одна из основных функций языка, заключающаяся в обращении к слушателю, побуждение его к восприятию речи» [16, 507, 508]. Экспансия речевой цепи в подобных случаях оказывается функционально целесообразной и вместе с тем энергетически необременительной для чат-коммуникантов.

Подведя итог всему вышесказанному, еще раз акцентируем тезис В. Г. Таранца о том, что реализация языковых единиц всегда энергетически оптимальна. Наши наблюдения свидетельствуют, что данному принципу подчиняется не только компрессия, но и экспансия речевой цепи в чат-коммуникации. Появление новых, не существовавших ранее коммуникативных практик, к примеру, чат-общения, предлагает лингвистам совершенно новый речевой материал. Анализируя его, мы очередной раз убеждаемся в эпистемологической ценности умозаключения В. Г. Таранца: «Оптимальная затрата энергии изменяется с развитием языка и прямо соотносится с тем или иным его этапом» [8, 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. - М.: Наука, 1964. -105 с.
2. Богородицкий Б. А. Общий курс русской грамматики. - М.-Л.: Госсocioэкономиздат, 1935. —Т 1. -384 с.
3. Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?//Вопросы языкознания. - 1972. -№ 1.-С. 17-36.
4. Есперсен О. Философия грамматики. / Издание третье, стереотипное - М.: Комкнига, 2006. - 408 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. - М: Просвещение, 1956. -511 с.
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія, - Полтава: Довкілля-К, 2006. -716 с.
7. Соколовский Ю. А. Избыточность и отсечение информации как средство нивелирования семантических помех //Слово в языке и речи.-Нальчик, 1982.-С. 87-94.

8. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. - Киев-Одесса: Вища школа, 1981.-149 с.
9. Чередниченко О.І. Мова в соціокультурному просторі // Чередниченко О.І. Про мову і переклад - К.: Либінь, 2007. - С.8-135.
10. Einstein Ch. How to Communicate: the Manning, Salvage and the Guide to Clear Writing and Speech. - N. Y.: McGraw-Hill Book, 1985.-116 p.
11. Frei H. La Grammaire des Fautes. - Paris: Geuthner, 1929. -317 p.
12. Jespersen O. Language. Its Nature, Development and Origin. — Lnd.: Allen and Unwin, N. Y.: Holt, 1925. -448 p.
13. Sweet H. History of the English Sounds from the Earliest Period. - Oxford: OUP, 1988.-220 p.
14. Whitney W. D. The Life and Growth of Language. An Outline of Linguistic Science. - N. Y.: Appleton and Company, 1897. -326 p.
15. Zipf G. K. The Psycho-Biology of Language. An Introduction to Dynamic Philology. - Lnd.: Routledge. -336 p.
16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / Издание второе, стереотипное. - М.: Советская энциклопедия, 1969. -608 с.
17. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Третье издание, исправленное и дополненное. - М.: Просвещение, 1985. -399 с.